

27 ИЮН 1967

НАШИ ГОСТИ

СПЕКТАКЛИ

И ВРЕМЯ

ГАСТРОЛИ Пражского национального театра в Москве открылись трагедией Шекспира «Антоний и Клеопатра».

Пражане поведали нам историю великой страсти Антония и Клеопатры, дали проникнуть в тайники душ героев. Но прежде всего они стремились раскрыть всеподчиняющее и во всем ощутимое в их спектакле время. И лучше всего смысл постановки режиссера Яромира Плескота выражают, на мой взгляд, строки шестьдесят шестого, самого трагического шекспировского сонета:

...Мне видеть нестерпим
Достоинство, что просит подаянья,

Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном
одеянье...

И мощь в плену у немощи
беззубой...

Да, этот спектакль Пражского национального театра — о жестоком времени, в которое побеждают удачливые юнцы, повелевающие легионами, торжествуют бездушные, расчетливые политики, в которое личные достоинства человека сами по себе ничего не значат.

Время сразу же входит в спектакль. Оно в режущей слух диссонансами музыки, в которой слышится грозный, предвещающий трагедию рев римской буины (композитор Я. Фишер). Оно в строгих красках, в неярком блеске воинских доспехов, в изъеденных веками ступенях Александрин и стенах Рима (художники О. Шимахек и Ф. Турек). Оно, наконец, в изменчивой и тревожной атмосфере любовных сцен, политических диспутов, боевых схваток...

Режиссера, правда, можно упрекнуть в некоторой бытовой приземленности отдельных сцен, в излишне сдержанной порой трактовке образов спектакля. Однако в наиболее существенном для раскрытия темы времени — в определенности конфликтов, в психологической правде точно очерченных и отчетливо противопоставленных характерах — Плескот последователен и ясен. Время — это прежде всего герои спектакля.

Марк Антоний и Октавий Цезарь. Два полюса постановки пражан, два ни в чем не сходных характера, два не на жизнь, а на смерть сошедшихся бойца. Время определяет судьбы героев. Антоний — это уходящий в прошлое, смертельно раненый Рим великих воинов и рыцарей-мужчин. Цезарь — это торжествующий и безрадостный Рим коварных политиков, сметливых царедворцев. А в общем своем значении центральный конфликт спектакля наших гостей — это

столкновение личности и обезличенности, разоруженной человечности и бессердечной силы.

Витезслав Вейражка пишет образ Антония крупными мазками. Его интересуют не оттенки чувства героя, но поработанность этого великого полководца и мужественного человека страстью. Характер, созданный актером, не только значителен, но и целостен. Его цельность — в непреодолимом чувстве, несовместимом для этого Антония с борьбой за власть. И еще в том, что, как ни падает низко герой Вейражки, он сохраняет верность себе, остается великодушным, честным, величественным. Актер развивает в образе тему величия на слове, воли — на излете.

Октавий Цезарь — это воля, не ведающая, что такое великодушие и человечность. Герой Ольдржиха Влчека незначителен и зауряден прежде всего внутренне — во всем, что не затрагивает его власти. В его голосе сквозит бездушность, в движениях — какая-то заданность, будто перед нами мыслящая машина. Но когда цель достигнута, когда Антоний мертв, а Клеопатра в его власти, какая мстительная сатанинская радость охватывает Цезаря! И как отвратителен он, этот «повелитель мира», облеченный властью и ободенный достоинствами.

И между Антонием и Цезарем — где-то на полпути от одного к другому по характеру, по душевному складу своему — пражская Клеопатра. Искренность и коварство, простодушие и властолюбие, великие героические порывы и мелочная расчетливость — все сплавляется воедино в образе, созданном Бланкой Богдановой. Ее своенравная, обаятельная Клеопатра — блистательная и ничтожная — плоть от плоти того мира, где честь борется с бесчестьем, великодушие — с эгоизмом. Она и жертва времени, и его порождение, его олицетворение...

В спектакле наших гостей есть превосходные актерские работы, отмеченные психологическим искусством, талантом. Это и Энобарб (М. Ружек), и Мардиан (М. Невсвадба), и Помпей (В. Брабец), и Лепид (М. Догнал), и Хармиана (Я. Главачова), и многие другие. Почти в каждом образе живут раздумья о человеке, об ответственности его перед самим собой и за свое время. Все это заставляет ждать многого от новых встреч с Пражским национальным театром.

А. ЯКУБОВСКИЙ.